

Анархистское решение проблемы глобального потепления

Питер Гелдерлоос

2010, перевод 2020

Как с точки зрения анархистов_ок нам следовало бы реорганизовать общество, чтобы уменьшить количество парниковых газов в атмосфере и выжить в уже изменившемся мире? У анархистов нет общей позиции по этому поводу, а многие из них вообще избегают предположений, утверждая, что если общество освободится от государства и капитализма, то изменится само по себе, а не согласно какому-либо плану. Помимо этого, говорят они, господствующие политические отношения, для которых характерны взгляд на мир сверху-вниз и навязывание изменений, неразрывно связаны с культурными, которые несут ответственность за разрушение планеты и угнетение ее жителей. Тем не менее, я хочу обрисовать один из возможных способов организации нашей жизни. Не для того, чтобы навязать собственное мнение, а потому, что ясный образ будущего делает нас сильнее, и нам всем нужна решимость, чтобы раз и навсегда порвать с существующими институтами власти и ложными решениями, которые они предлагают. В этой статье я не ставлю себе целью вступать в какие-либо дискуссии относительно идеальных форм — необходимого уровня технологий, масштаба, организации, координации и формализации. Я собираюсь описать, как могло бы реализоваться экологическое, антиавторитарное общество из тех далеко не идеальных условий, с которыми мы имеем дело сегодня. Кроме того, для простоты я не буду вступать в научный спор о том, что является устойчивым решением, а что им не является. Эта дискуссия и ее содержание открыты и доступны для тех, кто хочет провести собственное исследование.

Я строю описание этого возможного в будущем мира как на том, что является жизненно необходимым, так и на том, что является этически желательным, в соответствии со следующими предпосылками:

- Добыча и потребление ископаемого топлива должны быть полностью прекращены.
- Промышленное производство продуктов питания должно быть заменено устойчивым подходом к выращиванию продуктов питания на местном уровне.
- Централизующие структуры власти по своей природе эксплуатируют окружающую среду и угнетают людей.

- Менталитет количественной ценности, накопления, производства и потребления, то есть менталитет рынка, по своей природе эксплуатирует окружающую среду и угнетает людей.

- Медицина пронизана ненавистью к телу, и, хотя она выработала средства эффективной реакции на симптомы, она наносит ущерб нашему здоровью, что повсеместно практикуется в настоящее время.

- Децентрализация, добровольное объединение, самоорганизация, взаимопомощь и отсутствие принуждения полностью практичны и неоднократно подтверждали свою эффективность как внутри, так и за пределами Западной Цивилизации.

Добро пожаловать в будущее. Никто никогда не знал, что глобальное общество будет таким. Его отличительная черта — неоднородность. Некоторые города были заброшены. Теперь вдоль их проспектов растут деревья, реки несутся туда, где асфальт когда-то покрывал землю, а небоскребы рушатся, пока у их оснований олени мирно пощипывают травку.

Другие города процветают, но они изменились до неузнаваемости. Бывшие крыши, пустыри и тротуары превратились в сады. Фруктовые и ореховые деревья растут на каждом участке. Рассвет наступает под пение петухов. Около десятой части улиц — основных транспортных магистралей — остаются мощеными или покрыты гравием, и по ним регулярно проезжают автобусы, работающие на биотопливе. Другие улицы остаются занятыми в основном садами и огородами, хотя прямо через них проходят велосипедные дорожки. Единственные здания, в которых круглосуточно работает электричество 24 часа, — это больницы, водопроводные и радио-станции. Театры и общественные здания получают электроэнергию допоздна по очереди, поэтому они могут оставаться открытыми для киносеансов или других мероприятий. Все обеспечены свечами и заводными лампами, поэтому во многих окнах свет горит до поздней ночи. Но и они не такие, как раньше; ночью вы можете видеть звезды на небе, и дети недоверчиво переглядываются, когда старожилы рассказывают, как люди в прошлом поступились этим.

Электричество производится через сеть электростанций по соседству, которые сжигают сельскохозяйственные отходы (например, початки кукурузы) и биотопливо, а также через небольшое количество ветряных турбин и солнечных батарей. Но город работает только на малую долю от того, что раньше. Люди обогревают и охлаждают свои дома без электричества, с помощью пассивной солнечной энергии и эффективного проектирования зданий. В более холодных регионах зимой люди дополнительно сжигают возобновляемое топливо, но поскольку помещения хорошо изолированы, а печи спроектированы с наибольшей эффективностью, для этого не требуется много ресурсов. Готовят люди также в топливных печах, или, в теплом климате, — в естественных, солнечных. В некоторых городах, которые тратят больше энергии на производство и поддержание возобновляемых источников энергии (солнечных, приливных и ветряков), для приготовления пищи пользуются электричеством. Во многих зданиях есть общая стиральная машина, но вся сушка одежды выполняется по старинке: на веревке.

Ни у кого нет холодильника, а в каждом здании или этаже предусмотрен общий морозильник. Люди хранят такие скоропортящиеся продукты, как йогурт, яйца и овощи, в охладительном контейнере или в подвале. При этом, по возможности, они

всегда едят свежую пищу и выращивают половину своего продовольствия в садах на своих участках. Остальные продукты выращиваются не более чем в тридцати километрах от того места, где находится поселение. Продукты питания производятся без помощи генетических модификаций или химикатов, потому как нужны для вкуса и насыщения, а не для долгосрочного хранения при транспортировке или на полках магазина. Другими словами, вся еда стала вкуснее, а люди — гораздо здоровее. Болезни сердца, диабет и рак, что были в числе главных убийц в капиталистическом обществе, практически исчезли. Опаснейшие вирусы, которые были созданы при капитализме и влекли за собой смерть миллионов людей на протяжении всех социальных кризисов, в значительной степени исчезли. Поскольку использование антибиотиков почти прекратилось, люди повсеместно живут в более здоровых условиях и имеют более сильную иммунную систему, а путешествия по всему миру стали не такими частыми и скорыми. Люди также имеют гораздо более воспитанную экологическую сознательность и личную связь со своим биорегионом, потому что употребляют сезонные и местные продукты питания, которые выращивают по стандартам пермакультуры.

В каждом доме есть компостный туалет и водопровод, но нет канализации. Во всем мире стало своего рода неписаным правилом каждому поселению утилизировать свои собственные отходы. Величайшее табу — сливать отходы вниз по течению реки. Немногие оставшиеся фабрики используют грибки и микробы на больших лесных участках вокруг фабричного комплекса для утилизации любых загрязняющих веществ, которые они производят. Окружающие поселения также превращают все свои отходы в компост или топливо. Количество доступной воды ограничено, поэтому здания оборудованы дождевыми водосборниками для садов. Домохозяйства, которые значительно превышают рекомендуемую квоту на водопользование, подвергаются публичному позору. Но рекомендуемая квота не является принудительной; это просто предложение, разработанное участниками водного синдиката, исходя из того, сколько воды в городе разрешено отводить от источника, как это было согласовано между всеми общинами, которые делят один водораздел.

В большинстве городов люди организуют периодические или внеплановые собрания по месту жительства для поддержания в надлежащем состоянии садов, дорожек, улиц и зданий, организации воспитательного процесса для детей и разрешению споров. Люди также принимают участие во встречах с любым синдикатом или инфраструктурным проектом, которому они могут посвятить часть своего времени. Среди них: водный, транспортный и электроэнергетический синдикаты, больница, рабочие союзы строителей и врачей (подавляющее большинство медицинской помощи оказывают фитотерапевты, натуропаты, гомеопаты, иглотерапевты, массажисты, акушерки, и другие специалисты, которые оказывают услуги на дому) или фабрика. Большинство из них максимально децентрализованы, при этом отдельные лица и небольшие рабочие группы, которым доверяют остальные, знают, как выполнять свою работу, хотя при необходимости координируют свои действия посредством совещаний, которые обычно проводятся в форме открытых собраний с использованием консенсуального метода принятия решений, отдавая предпочтение обмену перспективами и информацией вместо того, чтобы принимать новые и новые решения до посинения. Иногда межрегиональные встречи (например, для общин водораздела) организуются со структурой делегирования, хотя они остаются

открыты для всех и всегда стремятся к принятию решений, которые удовлетворяют всех, так как нет никаких принудительных институтов, и какое-либо принуждение резко осуждается как «возвращение к старым порядкам».

Поскольку функции власти всегда локализованы в максимально возможной степени, подавляющее большинство решений принимается отдельными лицами или небольшими группами, которые близки друг к другу и регулярно работают вместе. Как только исчезает акцент на контроле и накоплении власти, на навязывании однородности или сингулярности перспектив, люди обнаруживают, что большая доля координации может просто происходить органически. При этом разные люди принимают разные решения и сами рассчитывают, как согласовать их с решениями других людей.

Несмотря на то, что современные общества структурированы таким образом, чтобы создавать ощущение общности и взаимности, остается также большое пространство для одиночества и уединения. Во многих районах есть общественные кухни и столовые, но люди могут и часто сами готовят и едят, когда у них есть настроение. В некоторых обществах есть общественные бани, а в других — нет, все в зависимости от культурных предпочтений. В этом мире эксперименты социалистических утопий с принудительной коммунизацией остались в прошлом. Частная собственность упразднена в классическом понимании средств производства, на которые люди полагаются для поддержания своей жизни, но никто не ограничен в личных вещах — одежде, игрушках, тайниках с конфетами или другими вкусностями, велосипедах и т.д.

Чем меньше общество или ближе друг к другу его члены, тем больше вероятность того, что оно будет организовывать свою хозяйственную жизнь, основываясь на экономике дарения — все, что вы не используете, вы отдаете как подарок, укрепляя социальные связи и увеличивая количество товаров в обороте — такие экономические отношения, возможно, являются самыми продолжительными и наиболее распространенными в истории человечества. За пределами района или за предметы, которые редки или не производятся на месте, люди могут торговать. Рабочие синдикаты некоторых городов могут использовать систему талонов для распределения вещей, которые являются редкими или ограниченными. Например, если вы работаете в электроэнергетическом синдикате, вы получаете определенное количество купонов, которые можно использовать для получения изделий с велосипедной фабрики или фермерских продуктов за городом.

Наиболее распространенными товарами, производимыми на фабриках, являются велосипеды, металлические инструменты, ткани, бумага, медицинское оборудование, биотопливо и стекло. Более распространенным, чем фабрики, является цех, в котором люди изготавливают любое количество вещей более высокого качества в более медленном, творческом (и здоровом) темпе. В мастерских обычно используют переработанные материалы (в конце концов, есть много старых торговых центров, наполненных хламом и ломом) и изготавливают такие вещи, как игрушки, музыкальные инструменты, одежду, книги, радиоприемники, системы выработки электроэнергии, велосипедные и автомобильные запчасти.

Работать не обязательно, но почти каждый чем-то занят. Когда люди могут управлять своей жизнью самостоятельно и делать полезные вещи, они, как правило, полу-

чают удовольствие от работы. На тех, кто не работает и таким образом не вносят свой вклад часто смотрят искоса или ограничивают в более приятных аспектах жизни в обществе, но нигде не принято отказывать кому-либо в еде или медицинском обслуживании. Поскольку они не помогают другим, сами они вряд ли будут обеспечены хорошей едой, а лекари вряд ли дадут им консультации, сделают массаж или акупунктуру, если у них нет конкретной проблемы, но их не оставят голодать или умирать. Это небольшая утечка ресурсов общества, но она ничего не значит по сравнению с паразитизмом боссов, политиков и полицейских сил прошлой эпохи.

Полиции больше нет. Как правило, люди вооружены и обучены самообороне, и повседневная жизнь каждого включает в себя деятельность, которая развивает коллективное или общинное чувства собственного достоинства. Выживание и счастье людей зависит от сотрудничества и взаимопомощи другу другу, поэтому те, кто разрушает социальные связи, прежде всего вредят и изолируют самих себя. Люди боролись за свержение своих угнетателей. Они победили полицейский контроль и вооруженные силы правящего класса, и они помнят эту победу. Сегодня составной частью их идентичности является настоятельная необходимость сопротивления любым формам принуждения. Их больше не могут запугивать случайные психопаты или бродячие банды покровительствующих рэкетиров.

Короче говоря, город имеет ничтожный экологический след. Высокая плотность населения сосредотачивается в районах, которые, тем не менее, обладают впечатляющим биологическим разнообразием, где в городах обитает множество видов растений и животных. Жители не оставляют загрязнений, которые не могут устранить самостоятельно. Они берут воду из водоемов, но в гораздо меньших объемах, чем капиталистический город, и в согласии с другими общинами, которые пользуются ресурсом того же источника. Они производят выбросы некоторого объема парниковых газов при сжигании топлива, но это меньше того объема, который поглощается из атмосферы с помощью собственного сельского хозяйства (потому как все их топливо — сельскохозяйственное, а углерод, который они вырабатывают, это тот же самый углерод, который поглощают из атмосферы те растения, которые они выращивают). Почти вся их пища — местная и выращивается устойчивым методом. Они производят небольшое количество продукции на заводах, но большинство из них просто вторично использует материалы.

За пределами города мир преобразуется еще сильнее. Возродились пустыни, джунгли, горные гряды, болота, тундры и другие районы, которые не могут на протяжении долгого времени поддерживать условия для высокой плотности человеческого населения. Не было необходимости в государственных программах по созданию заповедников; просто не стоило усилий предоставить эти районы самим себе после того, как там закончилась добыча ископаемого топлива. Многие из этих территорий были восстановлены их изначально коренными жителями. Во многих из них люди снова существуют как охотники-собиратели, внедряя самую разумную форму хозяйствования в этом биорегионе и переворачивая традиционное представление о футуризме с ног на голову.

Некоторые сельские общины полностью обеспечивают себя самостоятельно, развивая садоводство и животноводство, или более целенаправленно — пермакультуру. Многие люди, переехавшие из городов во время их упадка, создали эти общины, и

теперь чувствуют себя намного счастливее и здоровее, чем когда-либо при капитализме. Некоторые из пермакультурных сообществ состоят из более традиционных домохозяйств, в которых хозяйства каждой семьи, возделывающей один или два акра земли, довольно однородно распределены по обширной территории. Другие состоят из густонаселенного общинного ядра с несколькими сотнями жителей, живущими на десятках акров земли интенсивно возделываемых земель, окруженных фруктовыми садами и пастбищами для выращивания фруктов, орехов и выпаса домашнего скота, с внешним кольцом природного леса, который играет роль экологического буфера, и места для периодической вырубki леса, охоты и ремесел. Эти сельские общины почти полностью самодостаточны, имеют устойчивую связь со своей земельной базой, поощряют высокое биоразнообразие и не производят чистых выбросов парниковых газов.

Сельские общины в близком радиусе вокруг городов интенсивно ведут сельское хозяйство с помощью определенных видов промышленных изделий, находясь в симбиотических отношениях со своими городскими соседями. Еженедельно, используя лошадиные повозки или биодизельные пикапы, они доставляют продукты питания и биотопливо в конкретный район города, а также вывозят компост на тележках (в основном из туалетов, поскольку остатки пищи идут на кормление городских цыплят). С таким богатым компостом, стеклом для теплиц, металлическими инструментами и иногда трактором или механическим плугом, которые используются несколькими фермерскими хозяйствами, они могут давать высокие урожаи круглый год, не разрушая свою почву и не полагаясь на химикаты и ископаемое топливо. Они используют методы совмещения культур и другие методы пермакультуры для сохранения здоровья почвы и отпугивания вредителей. Эти фермы усеяны фруктовыми садами и небольшими лесами, что обеспечивает высокое биоразнообразие, включая большое количество птиц, питающихся насекомыми. Поскольку растения растут не на массивных монокультурных полях, вредители и болезни не распространяются так неконтролируемо, как в капиталистическом сельском хозяйстве. Использование местных растений, многочисленные породы, защита почвы и сохранение лесов также смягчают последствия засухи и других экстремальных погодных условий, вызванных изменением климата.

Между биорегионами все еще поддерживается достаточный объем перевозок. Города связаны между собой поездами, которые работают на биотопливе, а люди регулярно пересекают океаны на парусных лодках. Определенный объем межрегиональной торговли происходит именно таким образом, но прежде всего с помощью межрегионального транспорта перемещаются люди, идеи и самобытность. Люди менее мобильны, чем в последние дни капитализма, но, с другой стороны, они не вынуждены следовать капризам экономики, вырываясь из ее тисков в поисках работы. Биорегионы почти полностью самодостаточны в экономическом плане, и люди могут содержать себя самостоятельно. Если они переезжают, то это потому, что они хотят путешествовать, познавать мир, и они могут свободны делать это, потому что границ больше не существует.

Сообщение на более значительные расстояния происходит, в основном, по радиосвязи. В большинстве городских или полугородских общинах есть телефонная связь и Интернет. Производство высокотоксичных компьютерных устройств, по

большей части, прекратилось, но в некоторых городах используются новые, более медленные, но более безопасные методы, продолжая производство компьютеров в минимальных масштабах. Однако достаточно старые экземпляры до сих пор находятся в обращении, что позволяет большинству районов, которые хотят сохранить несколько компьютеров, оставаться на связи. Многие сельские жители живут достаточно близко к городу, чтобы время от времени пользоваться этими формами связи. Люди все еще получают новости со всего мира, и они продолжают культивировать свою, частично глобальную, идентичность.

Экономический строй общества сильно варьируется от одной языковой общины к другой. Другими словами, кто-то может жить в сельскохозяйственной коммуне с уровнем технологий, наиболее близким к уровню западного общества в XIX веке, а рядом с ней может находиться лес, населенный охотниками-собирающими, которые несколько раз в год ездят в город, созданный рабочими синдикатами и муниципальными ассамблеями, где есть электричество, автобусы, железнодорожная станция или гавань, чтобы посмотреть фильмы или почитать чей-то блог с другого конца света. Медиа и новости со всего мира проходят через сообщество довольно регулярно. Они говорят на одном и том же языке и разделяют с остальными схожую культуру и историю, которые тем не менее так отличаются друг от друга. Как результат — клановая, изолированная идентичность, которая может привести к ряду проблем, среди которых потенциальное возрождение доминирующего и империалистического поведения, постоянно компенсируется культивацией глобальной идентичности и культурным обменом с сильно отличающимися членами более широкого сообщества. Фактически, поскольку большинство языковых общин простирается далеко за пределы одного биорегиона и поскольку люди обладают беспрецедентной социальной мобильностью, существует перманентная циркуляция людей между этими различными сообществами, поскольку каждый человек решает, когда он достигнет сознательного возраста, хочет ли он жить в городе, сельской местности или лесу. Между искусственно созданными «нациями» больше не существует не только геополитических, но и социальных границ, поэтому больше ничего не препятствует передвижению людей между различными идентичностями и культурными категориями.

Для пожилых людей этот образ жизни напоминает рай в перемешку с шероховатостями реальности — конфликтами, тяжелым трудом, разбитым сердцем и личными драмами. Для молодых людей это просто кажется здравым смыслом.

И с каждым годом мир все больше исцеляется от опустошений индустриального капитализма. Количество реальных лесов и водно-болотных угодий увеличивается по мере того, как некоторые районы дичают, в то время как густонаселенные районы становятся здоровыми экосистемами благодаря озеленению, пермакультуре и устранению автомобилей. Уровень парниковых газов в атмосфере фактически снижается, хоть и медленно, впервые за долгое время, поскольку углерод возвращается в почву, леса и водно-болотные угодья, во вновь озелененные городские районы, а сжигание ископаемого топлива прекращено.

Достойная жизнь стала новым социальным критерием, заменив погоню за прибылью, а переворот против различных инженеров социального планирования позволил каждому сформировать свои собственные критерии и определить для себя, как это-

го достичь. Люди вернули способность кормить и обеспечивать себя. Автономные общины доказали, что они являются лучшим решением для создания пищевой системы, которая лучше всего приспособлена к местным условиям и разнообразным изменениям, вызванным глобальным потеплением. В конце концов, это элементарно. Единственное решение, которые никогда не обсуждали все те, кто извлекал выгоду с климатических изменений, — это единственное решение, которое имеет надежду на успех.

Долгое время люди не доверяли тем, кто предупреждал об изменении климата, об экологическом коллапсе, о других проблемах, создаваемых правительством и капитализмом; тем, кто призывал к радикальным решениям. В конце концов, они увидели, что лучшее решение, которое они когда-либо принимали, — перестать доверять тем, кто у находится у власти, тем, кто несет ответственность за все эти проблемы, а вместо этого рискнуть и довериться самим себе.

Те читатели, которые сомневаются в возможности этого видения, могут ознакомиться с «Полям, фабриками и мастерскими» Петра Кропоткина, который с научной точки зрения излагал похожее предложение, более ста лет назад. Они также могут изучить, как было организовано общество на их родных территориях, на которой жили их предки до колонизации. Там, откуда я родом, Паухатанская конфедерация поддерживала мир и координировала торговлю между несколькими народами в южной части водораздела Чесапикского залива. На севере Хауденосауни на протяжении сотен лет поддерживали мир между пятью, а позже шестью нациями. Обе эти группы поддерживали высокие показатели плотности населения, занимаясь интенсивным садоводством и рыболовством, не загрязняя при этом окружающую среду.

Там, где я живу сейчас, в Барселоне, в 1936 году рабочие захватили город и фабрики и управляли всем сами. А там, где я сейчас пишу эту статью, в Сиэтле, в 1919 году была всеобщая забастовка длиной в месяц, и рабочие также доказали свою способность к самоорганизации и поддержанию мира. Это не сон. Это неминуемая возможность, но только если у нас хватит смелости поверить в нее.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Анархистское решение проблемы глобального потепления
2010, перевод 2020

скопировано 28/11/22 с syg.ma
оригинал: theanarchistlibrary.org; работа над переводом: редакция *taste the waste*

ru.theanarchistlibrary.org